

ГЛОБАЛИСТИКА И ФУТУРОЛОГИЯ

А.М. БУТОВСКИЙ

Идиллический палеолит?

Дети! Храните себя от идолов! 1 Иоанна

4:21

В эпоху глобального антропогенного кризиса вполне понятен интерес к историческому прошлому человечества и, в частности, к эпохе палеолита. Однако при этом в философии и публицистике заметно преобладают ретроградные идиллии в духе Ж.-Ж. Руссо. Палеолит описывают как своего рода Золотой век, время сильных, красивых, здоровых людей, живущих в гармонии с природой и друг с другом (см. [1-3] и др.).

Между тем научные данные демонстрируют совсем иную картину. Так, по свидетельству историков, физическое развитие европейца XVIII-XIX веков (даже полуголодного выходца из Восточного Лондона) чаще всего оказывалось выше, чем развитие представителя первобытного племени. Ученые, всерьез изучавшие первобытные племена и жившие с ними бок о бок (например, знаменитые братья Боас), рассказывают о крайне низкой продолжительности жизни, о массе хронических заболеваний, об умирающих родами 15-летних девчонках, о сорокалетних стариках, о чудовищной детской смертности...

Многие фотографии, на которых изображены австралийские аборигены, индейцы или бушмены, изображают неплохо развитых физически, красивых и явно приспособленных к жизни людей. Такими их описывают и те, кто жил среди первобытных племен (Йенс Бьорн, Дж. Кауэлл, В. Арсеньев, Э. Патнем), и сами выходцы из первобытных обществ (Мато Нажин, Сат Ок, Вайпулданья и др.). Опыт непосредственного изучения первобытных доаграрных обществ накоплен немалый¹.

Однако описания, весьма трезвые и бытовые, далеки от изображения "героев и богатырей". Есть там истории благородных поступков, сильных страстей, жажды познания, проявлений самого высокого духа. Но есть и описания весенних голодовок, снедающего первобытного человека постоянного страха, а главное - самых диких, порой отвратительных нравов и обычаев. Некоторые страницы просто неприятно читать (хотя бы о "лишних" детях и "зажившихся" стариках, оставляемых бушменами в саванне на смерть).

Но "любить" первобытного человека ныне стало, кажется, модным.

Первобытная

¹ Интересны, в частности, свидетельства людей, имеющих опыт жизни в двух стадияльных культурах - первобытной и современной. Это и профессиональные этнографы (см. [4, 5]), и частные лица, какое-то время жившие бок о бок с первобытными людьми [6, 7], и выходцы из первобытных племен, позже получившие образование и описавшие свой опыт жизни в доаграрных обществах [8-10].

культура представляется чуть ли не идеалом. Это то, что надо взять за образец, обетованное пространство, куда надо вернуться! Такие идеи овладевают массовым сознанием. Идеализация первобытности проникает даже в учебники [11, 12]. Общее число панегириков первобытной культуре вообще и палеолитической в особенности просто не поддается учету.

Кто же в большей степени заблуждается: И. Ефремов, чьи образы палеолитических людей напоминают античных богов, или Сат Ок, не увидевший гигантов плоти и духа в хорошо ему знакомых сородичах по отцу?

Что такое палеолит?

Само употребление термина "палеолит" крайне неопределенно. Деление "каменного века" на "древнекаменный" и "новокаменный" ввел Д. Леббок в 1865 году [13]. Палеолит — это не историческая и не геологическая эпоха, не стадия естественной истории. Это эпоха, во время которой делали каменные орудия. Вплоть до середины XX столетия ученые исходили из единства временных периодов, сконструированных на основе технологических, палеонтологических, геологических и прочих хронологических схем. Считалось, что в плейстоцене, в эпоху господства "мамонтового фаунистического комплекса", когда шло накопление осадочных толщ, жил человек, который изготавливал каменные орудия. Странники Моргана пошли еще дальше, считая, что в эту эпоху должен был существовать и придуманный ими семейный и общественный строй - "матриархат".

Впоследствии в эту, слишком уж простую, схему пришлось внести множество поправок. Выяснилось, что развитие технологий на разных территориях шло крайне неодинаково, что никакого строгого соответствия геологических и технологических событий не существует. Например, изучая палеолит Европы, ученые исходили из того, что в палеолите нет и не может быть керамики. Но керамическое производство в эпоху плейстоцена в Японии - ныне твердо установленный факт [14].

А в верхнем палеолите Енисея 20-12 тыс. лет назад соединяются типы орудий, часть которых в Европе типична для нижнего палеолита (200-80 тыс. лет назад), а часть - для новокаменного века (6-4 тыс. лет назад) [15].

Да и в самом палеолите Европы сделаны открытия, весьма меняющие исходные представления о нем. Например, считалось, что в палеолите не использовали лук и стрелы. Но с прошлого века известны наскальные изображения шерстистого носорога, в брюхе которого торчит несколько оперенных стрел. С тех пор Н. Прасловым было доказано, что многие каменные наконечники палеолита - именно наконечники для стрел... [16].

Я уж не говорю о том, что, во всяком случае для верхнего палеолита, твердо установлено существование локальных, мало связанных друг с другом культур. (Территориально эти культуры могут граничить, но технологии их чрезвычайно различаются.)

Не случайно все больше археологов отказываются говорить о "палеолите" и "неолите", считая эти термины безнадежно устаревшими, и употребляют термины, входящие к геологическим эпохам: например, "плейстоценовый человек".

Некорректен и термин Г. Чайлда "неолитическая революция". Чайлд полагал, вполне в духе ученых XIX века, синхронность возникновения и новых каменных технологий, и технологий природопользования, и новых типов организации социума. "Неолитическая революция" соответственно - это одновременно переход к "неолиту" и к земледелию [17].

Но это глубоко неверно. Во-первых, существуют обширные экологические зоны, в которых собирательство всегда преобладало над охотой, потому что там специализированная охота гораздо менее эффективна, чем собирательство.

Во-вторых, известны поселения верхнепалеолитического возраста, в культурных слоях которых обнаружены обмазанные глиной ямы - верный признак если и не

земледелия, то однозначной ориентации хозяйства на сложные и весьма эффективные формы собирательства [18]. А уж для "мезолита" (8-10 тысячелетий назад) земледелие и скотоводство твердо установлены.

В-третьих, многие территории умеренного пояса (в том числе такие благодатные земли, как территория современной Польши, северной Франции или Украины) могут быть освоены земледельцами только при наличии металлических орудий. Здесь аграрная революция могла быть какой угодно, только не неолитической!

Рассуждающие о "палеолитическом человеке" и о "неолитической революции", таким образом, сильно похожи на дилетантов. То, что они имеют в виду под "палеолитическим" человеком, скорее всего должно именоваться "человеком плейстоценового возраста, ведущим охотничье хозяйство". А та идиллия, которую они обнаружили в ископаемом прошлом, - идиллия не методов обработки камня, а именно идиллия определенного типа ведения хозяйства. В прошлом и в первой трети нашего века ученые называли этот тип хозяйства "присваивающим". Сегодня чаще всего называют "доаграрным".

Человек палеолита

Рассуждения о палеолитических людях, обреченных быть невероятно здоровыми физически и психически, избыточно энергичными и невероятно мужественными, звучат красиво. Но чем подтвердить их правоту?

В 1856 году находку в долине Неандерталь Р. Вирхов отказался считать чем-либо, кроме костяка "патологического субъекта со следами детского рахита и старческой дегенерации". С тех пор обнаружено очень много скелетов палеолитического человека. Назову только ставшие классическими и изучающиеся уже десятилетиями находки в Ла Кина (20 костяков), в Крапине (более 20), в Табун (9), в Чжоу-Коу-Дянь (свыше 20).

В Табун трое из погребенных умерли между 4 и 10 годами; четверо - между 30 и 40; один - между 40 и 50; один - за 50. Из синантропов десять - одиннадцать человек умерли в возрасте 5-13 лет, двое - между 14 и 18 годами, двенадцать - взрослыми, между 20 и 45 годами.

Правда, некоторых заболеваний плейстоценовый человек практически не знал. Например, кариеса зубов. Но прекрасно "знал" полиомиелит, остеохондроз... и много чего еще. Кстати, не только в плейстоцене, но и позже. У людей неолита и даже скифской эпохи по-прежнему практически не было кариеса зубов [19]. Но многие погребения свидетельствуют о недостаточном питании, мускульно-скелетных дефектах и т.д. А 10% погребенных в Эквенском древнеэскимосском могильнике страдали тяжелыми формами спондилезов и остеохондрозов и фактически были полными инвалидами [20].

Плейстоценовые люди переходили в ископаемое состояние в возрасте, как правило, меньше 30 лет. Поскольку почти ничего не известно о демографии того периода, о числе и частоте рождений, приходящихся на женщину фертильного возраста, невозможно судить и о средней продолжительности жизни всех родившихся. (Да и просто мало материала для сколько-нибудь серьезных статистических исследований.)

Но вот если с середины XIX века в странах Европы "юная группа" умерших составляет всего 12% старших возрастов, то у синантропов - не менее 50%. Есть о чем задуматься.

Девочке из Староселья было года два с половиной; девочке, похороненной вместе со своими куклами под полом жилища № 3 в Мальте, было примерно 6 лет. Знаменитый мальчик из Тешик-Таш умер примерно в 12 лет. Поскольку на скелете не было серьезных повреждений, предположили, что, мол, он умер от укуса змеи. Но, насколько мне известно, смерть от болезней - и инфекционных, и генетических - тоже оставляет совершенно целыми кости скелета.

В Сунгире похоронены подростки 14 и 16 лет, причем по обряду, подобающему

скорее взрослым мужчинам, с оружием и инвентарем [21]. Ясно, что смерть детей вовсе не представляла собой никакого исключения из правила и что масштаб и динамика детской смертности в плейстоцене весьма напоминают хорошо известные по этнографической современности.

Из числа плейстоценовых людей большинство ушли из этого мира в годах, которые сегодня вовсе не считаются "смертными". И только один из "героев и богатырей" дожил до скромного возраста 60 с небольшим... Прослеживается рост продолжительности жизни. Синантропы, обитавшие в пещере Чжоу-Коу-Дянь, в среднем жили лет по 25-30. Неандертальцев хоронили в уже более "солидном" возрасте - между 30 и 40. А вот раскопки относящегося к другой эпохе неолитического Оленеостровского могильника (II тысячелетие до н.э.) отражают продолжительность жизни порядка 40—50 лет [22]. Как видно, суждения ученых о "прогессе" тоже основаны на полученных в ходе полевых работ фактах, а отнюдь не на кабинетных вымыслах.

Приведенные цифры я извлек даже не из монографий, а из учебных пособий [23]. Приведенное здесь - азбука. То, что установлено уже давно и надежно. Конечно, можно утверждать, что "на самом деле" палеолитический человек был совсем другим, в число раскопанных погребений совершенно случайно попали больные и умершие молодыми... Но любые рассуждения такого рода - не более чем досужие домыслы.

Сейчас найдено достаточно останков плейстоценовых людей, чтобы современная наука располагала набором данных о продолжительности жизни и состоянии здоровья плейстоценового человека. Данных, конечно, мало не только для решения - порой и для постановки многих задач. Например для изучения процесса расогенеза. Но эти сведения, как правило, корректно получены, хорошо документированы, интерпретированы с разных позиций. А вот фактами, подтверждающими концепцию плейстоценовых "чудо-богатырей", наука не располагает.

Культура палеолита

Экологически озабоченный житель большого города умиленно воспроизводит записанные В. Арсеньевым слова Дерсу Узала: "Утки - это такой люди,..". Ну можно ли представить себе более убедительное доказательство торжества экофильного сознания первобытного человека, его чувства единства со всем остальным мирозданием?! Однако высказывания Дерсу Узала имеют и противоположный смысл. Если "утки - это такой люди", то ведь и "люди - это такой утки". Их тоже можно убивать и есть...

Род *Homo* существует несколько миллионов лет. Самому раннему из известных погребений - не более 60 тысяч. Не исключено, что всех людей, родившихся и умерших до этого, съели. Существует по меньшей мере два вида ископаемых людей - *Homo habilis* и *Homo erectus*, ни один представитель которых никогда не был погребен. Их останки найдены или в виде случайных фрагментов в соответствующих геологических слоях (как "питекантропы" на о-ве Ява), или в культурных слоях поселений (как "синантропы" в пещере Чжоу-Коу-Дянь). Но в последнем случае их кости точно так же расщеплены, обожжены и обгрызаны, как и кости всех остальных животных! Разрубили каменными орудиями, согрели, поджарили в огне костра, а потом расщепляли для извлечения костного мозга?

Та же картина в ряде более поздних памятников. Например, в пещере Крапина (Югославия) было съедено свыше 20 человек уже неандертальского облика, в эпоху порядка 50 тысяч лет назад. Примеры можно умножать до бесконечности, в том числе для верхнего палеолита, когда жили уже "люди современного физического типа".

Можно, конечно, сделать целый ряд весьма увлекательных (и успокоительных) предположений. Может быть, до того, как съесть сородича, над ним совершались какие-то очень сложные обряды? Так сказать, провожали человека в мир иной, и даже не менее сложно и продолжительно, чем это делаем мы?.. А ели... ну. может, это тоже был элемент обряда? А может быть, ели вовсе даже и не сородичей? Ловили и ели "других", "иноплеменников"...

Между прочим, здесь приведены аргументы студентов-искусствоведов, которым я читал курс "Антропологии". Вероятно, людоедство столь неприятно современному человеку, что возникает желание "защититься" от истины, "спасти репутацию" предков.

Напомню, что еще в 1920-1930-е годы, во время раскопок Чжоу-Коу-Дянь возникла изумительная гипотеза: в пещере никогда не жили отвратительные полуобезьяны! В ней жили люди современного физического типа. Эти ископаемые (но в точности такие же, как мы) люди изготавливали каменные орудия, поддерживали огонь, охотились на животных. Они ловили и ели совершенно диких, не сотворенных по образу Божию, неразумных "синантропов"...

И я не вижу разницы между аббатом Брейлем, стремившимся в уже далекие 1930-е годы любой ценой спасти привычные ему представления, и студентками 1990-х: каждый пытается "защитить" привычные и приятные ему предрассудки.

А почему, собственно, каннибализм внушает нам такое отвращение? Потому, что мы очень решительно, очень последовательно не считаем человека таким же, как другие животные - например, как утки...

По имеющимся данным, и археологическим, и этнографическим, человек изначально весьма слабо вычленил себя из окружающего мира. Процесс выделения самого себя начинается в Восточной Африке, несколько миллионов лет назад. Весь "палеолит" - время разворачивания этого процесса. Если мы "вернемся к палеолитическим нормам", то и людоедство перестанет казаться нам столь отвратительным и неприличным.

Изначально было полное, эдемское нерасчлененное единство "человека и природы". "Всякий люди" был "такой утки": что и зафиксировано в отложениях Олдувэя, а быть может и Чжоу-Коу-Дянь. Нет никаких оснований полагать, что с трупом человека обращались иначе, чем с трупами *любых других животных*. Когда возникло понимание человека как *совершенно особого существа* (хотя бы "своего" члена "своей" группы), тогда и возникли ограничения. Выяснилось, что "люди - это не совсем утки". Вот только в качестве людей рассматривались далеко не любые представители рода *Homo*.

Первоначальное выделение человека из числа всех других живых существ относилось исключительно к представителям одной, совершенно определенной группы. Каждый такой "атом первобытного общества" [24, с. 113] был одновременно и социальной системой, и производственным коллективом, и этносом, и семьей, и объединением всех лично знакомых индивиду лиц. Тот, кто входил в этот "атом", воспринимался как "свой", подлежащий опеке и защите. На него распространялись все представления группы о том, насколько человек - "не просто утки".

Неандертальцев начинают хоронить. Погребен мальчик из Тешик-Таш и девочка из Староселья, человек из грота Киик-Коба и люди из пещеры Кафзех. А в пещере Шанидар погребение было проведено по исключительно сложному обряду. Покойного уложили на ложе из сосновых ветвей, с богатой сопроводительной пищей, засыпали его охапками цветов [25]. Интересен и сам погребенный. Калека, обреченный на скорую гибель без поддержки группы, *долго жил после потери правой руки и глаза*, "дотянув" до 40. Ценился опыт "старика"? Вероятно. Срабатывали механизмы защиты и взаимопомощи? Несомненно. Зарождалась вера в загробную жизнь? Конечно. Но есть и еще один фактор - то самое *вычленение человека из остальной природы*, порождавшее и заботу, и ответственность, и веру в посмертное существование.

Но наряду со всем этим "иноплеменников" едят. Кое-где ели до самого последнего времени. И дело далеко не в "отсутствии природных белков" - это неверно даже для островов Океании (рыба дает их вполне достаточно, да и на морского зверя охотиться умели) или Америки. А уж про "белковое голодание" в Африке говорить особенно смешно. Представителей вида *Homo sapiens* ели там, где далеко не всех этих "представителей" признавали людьми. *Ели тех, кого не признавали*.

Допускаю, что зрелище орды африканцев и полинезийцев, поджаривающих миссионера, способно вызвать отвращение, возмущение, гнев... Но объекты ваших эмо-

ций их понять не в состоянии. У них и у вас, во-первых, совсем разное представление о том, в какой именно мере человек отличен от всех прочих созданий. Во-вторых, у вас совсем разное мнение о том, кого и на каком основании следует считать человеком.

Отголоски этих времен прослеживаются и в самоназваниях типа "словене" (т.е. владеющие словом, умеющие говорить, в отличие от "немцев") или "настоящие люди" (как называют себя чукчи и многие индейские племена), и в уничижительно-отторгающих словечках типа "нелюдь", "нерусь". "гой" или "*undeutsch*" ("ненемец"). Но это уже слабые, едва различимые отголоски.

Если приходится выстраивать иерархию племен и народов со "своими" во главе, если приходится уточнять, кто здесь "настоящий" человек, - это уже свидетельствует о явлении, скорее всего, возникшем в постплейстоценовые времена: иноплеменника признают человеком. На иноплеменника, правда, не распространяются никакие законы (римляне писали на границах: "Дальше этого места закона нет"), неравенство "своего" и "чужого" совершенно очевидно даже для людей средневековья. Земли иноплеменников можно отобрать и освоить; иноплеменников боятся и стараются ослабить, а по возможности - и подчинить. Выгодно и вполне нравственно использовать труд иноплеменников в виде военной добычи, дани или обращения в рабство. И тем не менее принуждение к труду - это *уже не истребление* [26].

Я очень далек от мысли представить себе плейстоценовых людей мрачными чудовищами, не способными на альтруизм или высокие переживания. Нисколько не сомневаюсь: в их жизни было место и доброте, и красоте, и размышлениям на отвлеченные темы, и самым высоким чувствам, и самопожертвованию. Другое дело, что все это исходно предназначалось для "людей" - для тех нескольких сотен человек, которые рассматривались в таком качестве.

И уж конечно, самые страшные (с современной точки зрения) деяния по отношению к "чужим" не будили дурных чувств в душе плейстоценового человека. Не становимся же мы негодьями, поедая бифштекс или стреляя по уткам...

Действительно, почему у турецких солдат на хронике 1915 года - такие жестокие, хмурые лица? Почему эсэсовцы отворачивают лица от камеры, увековечивающей их "подвиги" в Орадуре? Почему сбитые над Вьетнамом американские летчики не хотят давать интервью? Эти люди знают, что убивают "таких же, как они". Можно представить "иных" законченными мерзавцами, пытающимися захватить "наши" коренные земли; чудовищами, от которых необходимо защититься. Но плейстоценовая простота утеряна тысячелетия назад. И сколько ни тверди себе, как ни доказывай, что на Бабьем Яру не убивали *людей*, что там были "*nur noch juden*". - очень уж все эти "*nur noch*" напоминают "своих". И приходится совершать над собой усилие, убеждать себя, преодолевать тошноту, ломать давно ставшее второй натурой отношение к человеку, распространенное и на "не своих": уважение к старости, почитание материнства...

Выражения лиц и поведение участников акций геноцида XX века свидетельствуют: их производят *преступники*, изо всех сил стремящиеся к самооправданию.

Палеолитический человек, судя по всему, не боролся с чудовищами. Он просто *охотился*, и ничто не мешало ни получать удовольствие, ни использовать результаты.

Экология палеолита

Еще в 1920-е годы было установлено прелюбопытное явление: время освоения плейстоценовым человеком Северной Америки совпадает с исчезновением целого ряда крупных диких животных: мамонта, шерстистого вида мастодонта, лошади, верблюда, саблезубого тигра. Вскоре выяснилась та же закономерность и для Южной Америки: с проникновением в нее человека исчезают несколько наземных видов гигантского ленивца, гигантский броненосец глиптонот, несколько видов крупных грызунов.

Родилась гипотеза оверкилла (сверхубийства). Согласно гипотезе, палеолитический человек, проникнув на новую территорию, в первую очередь истреблял наиболее крупных, медлительных, добродушных животных. Тех, которые не знали естественных врагов, никого не боялись, а, соответственно, не убегали от человека и не бросались на него. И притом были большими и вкусными...

Таковую же картину пришлось нарисовать и для Австралии. Еще в конце плейстоцена в ней "почему-то" начали исчезать наиболее крупные малоподвижные сумчатые. Изменился климат? Считать так нет оснований. Появились более совершенные виды? Тоже нет. Исключение - завезенный человеком и одичавший динго. Вот стоянок первобытного человека в конце плейстоцена стало несравненно больше, и в культурном слое каждой из них - очень много костей крупных сумчатых...

"Этнографическая современность" рисует столь же безрадостные картины. В XIV-XV века алеуты истребили стеллерову корову на всех Алеутских островах и на побережье Аляски. К XVIII веку бедное животное сохранилось только на необитаемых Командорских островах. (Здесь его добились русские промышленники - кстати, тоже ведущие сугубо "традиционный" и, согласно принятой мифологии, "экофильный" образ жизни.)

Овцебык на севере Сибири истребили в историческое время, возможно, уже в XVII-XVIII веках. И сохранился он только там, где до него не добрался первобытный человек (тот самый - "как известно", проникнутый экофильным сознанием). А когда между 1850 и 1900 годами стихийные экологи-эскимосы проникли на остров Бэнкс в Канадском Арктическом архипелаге, они полностью истребили местную популяцию овцебыков.

Исполинская гагара в Канадской Арктике и в Гренландии истреблена эскимосами в XIX веке [27, с. 202-205].

Но вернемся к палеолиту. На самом рубеже плейстоцена и голоцена вымирает ряд крупных, неповоротливых, медлительных животных: мамонты, шерстистые носороги, пещерные медведи, пещерные львы, пещерные гиены. Долгое время почти все ученые считали (а многие считают и сейчас), что они вымерли вследствие очень быстрых, катастрофических изменений климата и исчезновения плейстоценовых ландшафтов - "тундростепи". Правда, есть тут несколько моментов...

Во-первых, далеко не везде переход к голоцену проходил так уж катастрофически. В континентальных областях не было резкого изменения климата и ландшафтов, не сказывался и катастрофический подъем вод Мирового океана [28, 29]. А животные и здесь исчезали.

Во-вторых, во многих местностях эти животные исчезали и до отступления ледников. На среднем Енисее шерстистый носорог исчез между 25 и 20 тыс. лет назад. Мамонт - примерно 18 тыс. лет назад. Большерогий олень исчез на большей части ареала "тундростепи" задолго до окончания Великого оледенения, но сохранился до исторических времен в Западной Европе. Там его ареал тоже все время сокращался, и последние большерогие олени были истреблены в XII веке в Ирландии [30]. По поводу "ирландского лося" слово "истреблены" - это уже не домысел, а факт. Примеры можно умножить.

В-третьих, поражают масштабы истребленных человеком животных плейстоцена. Огромные площади поселений буквально состоят из костей сотен и тысяч крупных животных. На сооружение одного "жилища из костей мамонта" уходили кости до 30-40 особей [31]. Общий вес всего "строительного материала" мог превысить 15-20 тонн [32].

Сооружая такое жилище, шесты (часто - из ребер того же мамонта) вставлялись в теменные отверстия мамонтового черепа. Для этого огромные, чуть ли не по грудь человеку черепа взрослых самцов ставились альвеолами бивней вниз и теменным отверстием вверх. А для устойчивости такого черепа под него иодкладывали черепа то ли совсем маленьких, новорожденных, то ли даже не успевших родиться мамонты. Из 109 мамонтов, найденных в слоях Межиричей (Украина), детеныши и молодняк

составляли 83-85%, а старые животные вообще отсутствовали. В берелехском стаде старые животные составили 21%, молодняк - 50%.

Автор принимал участие в раскопках знаменитых "жилищ из костей мамонта" в Костенках и в Юдиново. И уверяю вас, что зрелище 30-40 черепов "эмбрионального мамонта", использованных для строительных целей, производит тягостное впечатление...

Вообще возрастной состав добычи не может не наводить на размышление. На стоянке Волчья Грива, например, из восьми мамонтов только один был матерым животным, погибшим между 40 и 50 годами. Шесть особей погибли между 3 и 8 годами, один - годовалый детеныш [33, с. 310].

Яркие свидетельства "расточительности" охот палеолитического человека - вовсе не исключение. На стоянке Амвросиевка найдены останки примерно 800 бизонов. Этих животных поймали в ловушку, используя для нее овраг. Часть животных успели съесть, большая часть - протухла [34]. В Мальте найдены останки 600 оленей; в Шуссендире - примерно 500; в Гурдане - порядка 3 тыс. Массовые облавные охоты приводили к гибели целые стада травоядных (Староселье, Амвросиевка, Солютре). При этом использовалась только часть полученной добычи. Н. Верещагин полагает, что палеолитические обитатели Русской равнины и Крыма должны были ежегодно истреблять 120 тыс. северных оленей, 80 тыс. лошадей, 30 тыс. бизонов или 10 тыс. мамонтов [35] - при условии полного использования всей полученной добычи. А истреблялось заведомо больше, чем потреблялось. "В целом палеолитическая охота велась хищнически, в любые сроки, включая периоды размножения и выкармливания потомства... нередко, видимо, с превышением реальной потребности в пище" [36].

Кстати, у индейцев еще в середине XIX века организовывались такие же точно загонные охоты - порой губившие целые стада бизонов, от которых использовалась лишь часть [37]. Как видно, не только гадкие американцы готовы были "просто так" уничтожать бизонов. Индейцы были не намного нравственнее и благороднее...

Для всех известных науке доаграрных обществ зафиксировано стремление добывать как можно больше животных, делать запасы - заранее зная, что часть добычи ни использовать, ни сохранить не удастся. Эскимосы в благоприятные годы добывали в полтора-два раза больше добычи, чем могли использовать [27].

Те же эскимосы считали большой удачей встретить китиху с детенышем - легко было добыть обоих животных. Преследуя всех морских зверей, приближавшихся к берегу, они, естественно, чаще добывали молодых животных, самок с детенышами. Мясо новорожденных китят и эмбрионов считалось у них большим лакомством. В периоды изобилия эскимосы даже... отгоняли от берега взрослых китов и били только молодняк. То есть вандализм был совершенно сознательным. Охота на детенышей и на маток с детенышами привела к тому, что 97% останков китов в слоях древнеэскимосских стоянок принадлежат китятам 1-2 лет от роду. На поселении Масик (Мечигменский залив, Чукотка) остались кости более чем 1,5 тыс. китят не старше 2 лет [38].

И. Крупник считает склонность к убийству детенышей и перепромыслу особенностью охотников Арктики, живших в условиях экологической нестабильности и сугубой сезонности всех охот. Но Ливингстон оставил нам не менее впечатляющие картины истребления животных зулусами в ходе загонных охот. Он также рисует нам картины охоты на слонов, в ходе которой охотники забрасывают дротиками слоних с маленькими слонятами. Совсем маленький детеныш малоподвижен; слониха в любом случае не отойдет от него далеко, и поражать ее копьями безопасно. Охота продолжается весь день, пока животное не изойдет кровью [39]. Убивая слона, пигмеи заранее знают, что успеют использовать только часть туши [40].

В современной "природоохранной" литературе нарисованы весьма впечатляющие картины африканских охот 1950-1970-х годов с их поголовным истреблением целых стад, регулярным убийством молодняка, применением самых чудовищных методов типа металлических петель или ловушек, проверяемых не чаще раза в две недели

[41-43]. Характерно, что прорываются в заповедники, используют ловушки, калечат зверей, истребляют детенышей, торгуют слоновым бивнем и носорожьим рогом, составляют костяк браконьерских шаек как раз представители коренного населения. В том числе племен, продолжающих вести традиционный образ жизни.

В качестве примера максимально "экофильного" хозяйства регулярно приводится хозяйство масаев. И в то же время полицейские протоколы свидетельствуют: у живой природы Восточной Африки нет страшнее врагов, чем масаи. По законам этого дикого племени юноша не считается взрослым, пока не будет участвовать в охоте на льва и не принесет ножа или копья, покрытого львиной кровью [44]. Британская колониальная администрация пыталась запретить этот обычай; пытается и правительство независимой Кении. Но львов продолжают убивать. С маниакальным упорством их ищут даже в заповедниках. Подкупают охрану, идут на любое преступление, чтобы "добраться" до льва. А ведь для хозяйственных нужд львы не нужны. Их смерть нужна для выполнения требований традиционной ("экологически целесообразной") культуры.

Заповедники северной Кении опустели от нашествий вооруженных автоматами сомалийцев, истребляющих все живое. Шайки сомалийцев убили Джой Адамсон и Джорджа Адамсона, а спасенных Дж. Адамсоном львов пришлось увезти в Южную Африку... [45].

Неизбежно возникают вопросы: а чьему, собственно, сознанию более присущи экологические императивы: британцев или сомалийцев? И где она, идиллия в духе новейших экологических сентенций?

Гораздо более обоснованы выводы эколога Э. Макферсона с его теорией "массовых избиений" животных, реконструкция охотничьей тактики первобытного человека "найти и уничтожить" этнографом Э. Берчем, вывод Крупника об "изначально заложенном перепромысле". «Реальная нагрузка северных охотников на используемые ресурсы не соответствовала ни нормам "рационального" природопользования, ни этике промыслового поведения аборигенных народностей, - пишет Крупник, - ...Для анализа их жизнеобеспечения... малопригодными кажутся перенесенные со страниц учебников экологии концепции "взаимного регулирования", или идеи "гармоничности", "исконной экологичности" аборигенных обществ в противовес разрушающей природную среду индустриальной цивилизации. Все это явно выглядит современной идеализацией» [27, с. 205].

Позволим себе только в одном не согласиться с автором: речь идет не только о "северных охотниках". Все гораздо глобальнее.

Еще в 1950-е годы И. Пидопличко высказал убеждение, что крупные млекопитающие финального плейстоцена были истреблены человеком [46].

Беда, однако, в том, что построить убедительные модели природопользования даже для самого конца плейстоцена почти невозможно. Все модели, учитывающие численность и экологию позднеплейстоценовых животных, равно как и расчеты численности человека, настолько приблизительны и построены на столь хлипких основаниях, что, на взгляд автора, вряд ли относятся к сфере научной деятельности [47, 48]. Наиболее реальные модели палеолитических охот построены на аналогах арктического промысла морского зверя. Эти модели предусматривают все что угодно, но только не трепетное отношение к природе и не стремление к гомеостазу. Человек стремился взять как можно больше животных каждого вида, в максимально сжатые сроки и с минимальными усилиями. Целью "атома" первобытного общества было как можно чаще переходить из одной "точки концентрации биомассы" в другую и добывать столько, сколько удастся. Если группа могла достигнуть этого - она процветала и быстро увеличивалась в численности. Падение числа животных основных "промысловых видов" и децентрализация мест их обитания и скопления грозили гибелью. Модели предусматривают, среди всего прочего, и частые колебания численности популяций людей, причем значительные: в полтора-два раза на протяжении одного-двух десятилетий.

Такие модели помогают понять, как мог произойти и американский оверкилл (сверхубийство), и оверкиллы в других краях. Они позволяют считать весьма вероятной гипотезу истребления мамонта человеком, заставляют предположить и другие кризисы, связанные с перепромыслом более древних видов (трогонтериевого слона, например, или носорога Мерка), произошедшие во времена, о которых и вовсе нет статистически вразумительных данных.

Но чего в этих моделях явно не содержится - так это экологической идиллии...

Корни явления

Сказанного в этой статье достаточно, чтобы признать: реальный палеолит не имеет ничего общего с "золотым веком". Почему же его таковым считают?

Одна закономерность сравнительно очевидна. С момента возникновения цивилизации появляется миф о "естественном человеке", "благородном дикаре", противопоставляемом "развращенному цивилизацией" человеку. Воспевание "чистых душой" обитателей тогдашней Палестины содержится в текстах Среднего Царства; умиление "взрослыми детьми" в горах Юньнани - в китайских текстах VIII века н.э.

Навязчивость и постоянное воспроизводство этой темы тоже понятны. По мере усложнения общества и всех его подсистем вынужден усложняться и сам человек. Уже много раз и совершенно справедливо отмечалось, что крестьянин отличается от первобытного охотника тем, что он вынужден принимать во внимание более сложную действительность: больше знать, больше помнить, более сложно и многовариантно действовать, принимать во внимание больше связей между объектами [49]. Психологически он словно бы "крупнее".

Сказанное касается и интеллектуала, живущего сложнее, напряженнее, чем рядовой человек. Средневековые четко разделяли "культуру образованных" и "культуру простецов" [50]. Так же различаются и представители этносов, оказавшихся на разных уровнях цивилизационного развития. Положение "наверху" по многим параметрам выигранно и удобно. Но груз жизни тяжел. Замученный сложностями собственной жизни (и в профессиональном, и в социальном, и в семейном аспектах) интеллектуал начинает лелеять мечту о "простоте", "естественности", в которой окажутся снятыми тягостные проблемы, исчезнет разорванность и восстановится цельность бытия. И начинаются поиски конкретного места, в которое можно поместить нарождающуюся утопию.

Весь XVIII и XIX века жизнь доказывала тщету географических утопий. Как ни тщились Вольтер и Руссо отыскать то "благородного гурона", то "естественного полинезийца" - реальные дикари были ужасны. Настолько, что в конце XIX века Миклухо-Маклаю пришлось опровергать уже противоположный стереотип: о природной тупости "дикарей" и об отсутствии в них каких бы то ни было достоинств...

В поисках искомой простоты и цельности пришлось переключаться на исторические утопии, благо сама по себе идея "возвращения к утраченному", "восстановления того, что было у предков" очень характерна для любых человеческих сообществ. В традиционных культурах Золотой век обязательно присутствует [51].

В конце концов и иудейская, а вслед за ней и христианская традиция исходят из того же. Человек изгнан из Эдема, в котором он существовал в нерасчлененном единстве с остальными "тварями", жил бездумно и без труда, словно маленький ребенок. (Мне довелось присутствовать на докладе православного священника, который весьма последовательно рассматривал изгнание из Рая как первую в истории человечества экологическую катастрофу.)

Прослеживается одна и та же логика: существует представление о времени, когда без усилий самого человека, внешними силами разрешались все его проблемы, и все решительно без малейшего труда поддерживалось в желательном для человека виде. А момент, когда это блаженное состояние было утрачено, есть некая "точка отсчета",

с которой одно скверное время сменялось временем еще более скверным, и так вплоть до настоящего.

Этот архетип, скорее всего, имманентен для человека [49]. Возможно, он и содержится в скрытой, мифопоэтической форме представление о животном "рае", утраченном разумным существом, вынужденным думать, оценивать, принимать осмысленные решения. Само по себе воспроизведение и этого, и других архетипов в наше время, в том числе и учеными, не удивительно. Мне уже доводилось писать о том, как общекультурные установки для археологов оказываются более значимыми, нежели узкопрофессиональные [52]. Нет ничего странного, если действие этой закономерности удастся проследить и у философов.

Доаграрная первобытность манит именно тем, что она... первобытность. Но идеализировать этнографическую дикость рискованно. Слишком много о ней известно, слишком хорошо она описана этнографами и прошлого, и нынешнего века. Могут, чего доброго, найтись и живые свидетели. А вот "палеолит" удобен - ведь о столь отдаленной эпохе и впрямь мало что достоверно известно. О многих аспектах жизни в ней мы не знаем практически ничего, и культивирование выдумок не наталкивается на "скучные" (но разрушающие их) факты.

Само по себе культивирование иллюзий, построенных на архетипическом восприятии мира. - занятие скорее забавное, чем неприятное. В конце концов каких только мифов не ходит по "цивилизованному" миру! Но не следует забывать: "отказ от рационального отношения к действительности чреват господством фантастических химер" [53]. А господство химер чревато попытками изменять жизнь в соответствии с юрреалистическими вымыслами. Не хотелось бы столкнуться с попытками "построить палеолит" или "вернуться к палеолитическим нормам". И коммунизм, и родовой строй германцев в практику уже воплощали...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Урсул А.Д. Путь в ноосферу. Концепция выживания и безопасности развития цивилизации. М., 1993.
2. Урсул А.Д. Экологическая проблема и агроноосферная революция. М, 1994.
3. Ефремов И.А. Лезвие бритвы. М., 1978.
4. Богораз В.Т. Чукчи. Т. 1. Л., 1932; Т. 2. Л., 1934.
5. Бич Й. Затерянный мир Калахари. М., 1960.
6. Шульц Дж. Моя жизнь среди индейцев // Шульц Дж. Ловец орлов и другие повести. М., 1991. С. 691-724.
7. Кауэлл Дж. В сердце леса. М., 1968.
8. Мато Нажин. Мой народ сиу. М., 1964.
9. Сат Ок. Земля соленых скал. М, 1956.
10. Локвуд Д. Я - абориген. М, 1971.
11. Репин Ю.В., Шабунин Р.А., Середа В.А. Основы безопасности человека в экстремальных ситуациях. Алматы, 1994.
12. Арский Ю.М. и др. Экологические проблемы: что происходит, кто виноват и что делать? М., 1997.
13. Деревянко А.П., Маркин С.В., Васильев С.А. Палеолитоведение. Новосибирск, 1995.
14. Деревянко А.П. Палеолит Японии. Новосибирск, 1984.
15. Сосновский Г.П. Палеолитические стоянки Северной Азии // Труды II Международной конференции ассоциации по изучению четвертичного периода Европы. Л., 1932.
16. Праслов Н.Д. О времени возникновения лука // Материалы X Конгресса INQUA. М., 1982.
17. Чайлд Г. Древнейший Восток в свете новых раскопок. М., 1956.
18. Придо Т. Кроманьонский человек. М., 1979.
19. Алексеев В.П., Мартынов Л.А. Скифо-сибирский мир. Кемерово, 1986.
20. Лебединская Г.В. Патологические изменения на скелетах из Эквенского могильника // Древние культуры азиатских эскимосов. М., 1969.

21. Бадер О.И. Сунгирь - верхнепалеолитическая стоянка. М., 1978.
22. Турина Н.Н. Оленеостровский могильник. М.-Л., 1956.
23. Рогинский Я.Я., Левин М.Г. Антропология. Учебник для университетов. М., 1955.
24. Окладников А.П. Палеолит Центральной Азии. Новосибирск, 1980.
25. Констэбл Дж. Неандертальцы. М., 1978.
26. Назаретян А.П. Агрессия, мораль и кризисы в развитии мировой культуры. (Синергетика исторического прогресса.) М., 1996.
27. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М., 1989.
28. Цейтлин СМ. Геология палеолита Северной Азии. М., 1979.
29. Кинд Н.В. Геохронология позднего антропогена по изотопным данным. М., 1974.
30. Эндрюз Г. Невиданные звери. М., 1968.
31. Сергии В.Я. Палеолитические жилища европейской части СССР. Автореф... канд. ист. наук. М., 1974.
32. Бибиков С.А. Древнейший музыкальный комплекс из костей мамонта. Очерк материальной и духовной культуры палеолитического человека. Киев, 1981.
33. Абрамова З.А. Поздний палеолит азиатской части СССР // Палеолит СССР. М., 1984.
34. Верещагин Н.К. Охота первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР // Материалы по фауне антропогена СССР. Л., 1971.
35. Vereshchagin N.K. Primitive hunters and pleistocene extinction in the Soviet Union // Martin P., Wright H.E. (eds.) Pleistocene extinction. New Haven-London, 1967.
36. Любин В.П., Барышников Г.Ф. Охотничья деятельность древнейших (ашело-мустьерских) обитателей Кавказа // Краткие сообщения института археологии. 1985. № 181.
37. Шульц Дж. Апок - зазыватель бизонов // Шульц Дж. Ловец орлов и другие повести. М., 1991.
38. Членов М.А., Крупник ИИ. В поисках древних культур Чукотки // Природа. 1984. № 6.
39. Ливингстон Д. Путешествия и исследования в Южной Африке с 1840 по 1856 г. М., 1956.
40. Паттнем Э. Восемь лет среди пигмеев. М., 1958.
41. Майкл Дж. Семья Майклов в Африке. М., 1966.
42. Торнтон Э., Кэрри Д. Спасите слона! // Беззащитные гиганты. М., 1996.
43. Дэвид М. Операция "носорог". М., 1981.
44. Хантер Д. Охотник. М., 1959.
45. Паттерсон Г. Львы в наследство. М., 1996.
46. Пидопличко И.Г. О ледниковом периоде. Киев, 1955.
47. Бибиков С.И. Некоторые вопросы заселения Восточной Европы в эпоху палеолита // Советская археология. 1959. № 4.
48. Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита // Советская археология. 1969. № 4.
49. Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной: истоки, становление, перспективы. М., 1991.
50. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М., 1990.
51. Кудинов В.М., Кудимова М.В. Сумка кенгуру. Мифы и легенды Австралии. М., 1987.
52. Буровский А.М. Интерпретация и реконструкция в археологии // Российская археология. 1995. № 3.
53. Померанц Г. Парадоксы модернизации // Человек. 1990. № 1.

© А. Буровский, 1998